

НЕКОТОРЫЕ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НОМИНАЦИЕЙ «УКРЫВАТЕЛЯ/СКУПИЩА КРАДЕННОГО» В РУССКОМ УГОЛОВНОМ ДИСКУРСЕ

Метою написання даної статті є аналіз динаміки деяких номінативних слововживань, які стосуються поняття «укривача/скупщика вкраденого». Динаміка слововживання розглядається під кутом зору лінгвосеmiotичного коду злочинної діяльності як досвіду.

Ключові слова: слововживання, укривач/скупщик вкраденого, законодавство.

Целью представленной статьи является анализ динамики некоторых номинативных словоупотреблений по отношению к «укрывателю/скупщику краденого». Динамика словоупотребления рассматривается с точки зрения лингвосеmiotического кода преступной деятельности как опыта.

Ключевые слова: словоупотребление, укрыватель/скупщик краденого, законодательство.

The paper aims at analysis of word usage to define master fences/fencing-cullies from the point of sideline-mainstay. The dynamics of usage is considered a linguasemiotic code of felony experience.

Key words: usage, master fence/fencing-cully, law.

В данной статье понимание термина «дискурс» основывается на концепции О.В. Лешака, представленной в его книге «Лингвосеmiotика культуры. Функционально-прагматическая теория дискурса», согласно которой «...пространственно-временной континуум...сосредотачивается вокруг текста (или набора текстов) в процессе его (их) создания или воспроизведения по определенным принципам лингвосеmiotической системы (кода) в границах определенного функционального типа деятельности, основанной на опыте. Именно такой функционально-прагматический вариант лингвосеmiotической деятельности (или лингвосеmiotического опыта, что оказывается одним и тем же), ограниченный временем, способом действия и/или тематикой, содержащий специфические элементы кода, определенные действия и характерные тексты, можно с точки зрения функционально-прагматической методологии назвать дискурсом»[1:34].

Словоупотребление представлено как синхронический языковой код, расшифровка которого находится в диахронической понятийной сфере; «уголовный дискурс» не предусматривает методологического разграничения воровского жаргона, тюремно-лагерного жаргона, арго, фени, криминального сленга, интержаргона, платта, кокумлошена и т.д., поскольку важна динамика специфического словоупотребления, и как следствие – влияние идиолектов.

Рассмотрим данное утверждение на конкретном примере – словоупотреблениях «укрыватель краденного» и «скупщик краденного». Рядовой носитель русского языка,

не связанный с преступной деятельностью или не работающий в правоохранительных органах, чаще всего увидит смысловое различие лишь в том, что «*укрыватель*» прячет, а «*скупицк*» покупает, и поиск дальнейших различий простого обывателя не интересует, поскольку непосредственно его или ее не касается. С точки же зрения сотрудников правоохранительных органов или преступников, а также тех правопорядочных граждан, которые сталкивались с подобными словоупотреблениями на жизненном опыте, различия существуют, и довольно существенные.

«*Укрыватель краденного*» может быть привлечен к уголовной ответственности по статье 316 УК РФ [2], что предусматривает штраф до двухсот тысяч рублей или в размере до восемнадцати зарплат, или же арест на срок от трех до шести месяцев, или же лишение свободы на срок до двух лет, если «укрывательство» не является «*заранее обещанным*», как сформулировано в УК РФ, и хотя супруги или близкие родственники от уголовной ответственности освобождаются, однако наказание может быть более суровым, если будет доказано соучастие в преступлении, т.е. «*укрывательство заранее обещанное*». Интересным является словоупотребление по отношению к «*субъект заранее не обещанного укрывательства*», которого без ситуативной привязки рядовой носитель русского языка просто не поймет. В царской России «*укрывательство плодов преступного деяния*» могло определяться как «*пристанодержательство*» и «*совиновничество*», каралось по статьям 180, 929-931, 1662 «Уложения о Наказаниях уголовных и исправительных» Российской империи [3], но в настоящее время большинство сотрудников правоохранительных органов и юристов словоупотребления «*пристанодержательство*» и «*совиновничество*» и скрытый в них определенный поведенческий алгоритм в действиях преступников того времени интересуют мало, разве только тех, которые занимаются научной деятельностью по данному вопросу.

При рассмотрении словоупотребления «*скупицк краденного*» сразу же заметим соотношение с иной статьей УК РФ – 175 [2], согласно которой «*приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем*», заметим опять «*заранее не обещанное*», наказывается штрафом до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы за период до трех месяцев, или обязательными работами, исправительными работами, либо лишением свободы на срок до двух лет. Необходимо упомянуть, что случаи привлечения к уголовной ответственности за «*приобретение имущества, добытого преступным путем*», т.е. «*скуп краденного*», достаточно редки. В случае же «*заранее обещанного приобретения имущества, добытого преступным путем*», «*скупицк краденного*», как и «*укрыватель краденного*», становятся соучастниками кражи, мошенничества, убийства или иного преступления, и в таком случае по отношению к ним будут применяться совершенно иные правовые определения в зависимости от статьи УК РФ относительно квалифицируемого преступления. Следует заметить, что статья 316 УК РФ, т.е. «укрывательство», находится в Главе 31 «Преступления против правосудия» Кодекса, а статья 175 УК РФ, т.е. «скупка» – в Главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», однако это сути не меняет, и важной является формулировка «*заранее обещанное*» - «*заранее не обещанное*». В текстах отчетов сотрудников правоохранительных органов могут встречаться различные словоупотребления в зависимости от субъективного видения конкретного правонарушения, т.е. версии, заметим лишь, что большинство но-

минативных словоупотреблений будут иметь элемент «лицо», как и в тексте статей УК - «лица, скупающие...», «лица, приобретающие...», «лица, укрывающие...» и т.д., однако данное утверждение автора представленной статьи имеет характер лишь предположения без текстов конкретных отчетов сотрудников правоохранительных органов.

Если говорить о разговорных словоупотреблениях по отношению к «*укрывателю краденного*» и «*скупщику краденного*», то вполне возможно предположить наибольшую частотность словоупотребления «*барыга*», какой бы смысл не вкладывал в это говорящий в зависимости от своего знания о данном виде преступной деятельности, или же о возможности случайной покупки краденной вещи, «*приобретения имущества, добытого преступным путем*». В Викисловаре синонимом «*скупщика краденного*» является «*барыга*», словарная статья «*укрыватель краденного*» отсутствует. Преступники в словоупотребление «*барыга*» вкладывают негативную коннотацию, о чем может свидетельствовать номинация как человека, так и места: «1. *Скупщик краденного, спекулянт. 2. Вещевой рынок*» [4:30]. Заметим, словоупотребление «*спекулянт*» может показывать временой отрезок сбора материала, т.е. до распада СССР, а словарная статья может косвенно свидетельствовать о существовании словоупотребления «*идем к барыге*», т.е. на базар, вещевой рынок, барахолку и т.д. с целью продажи краденного. Подобная негативная коннотация видна также в словоупотреблениях «*подшефный бизнес(мен), подшефный ком(м)ерс(ант)*», в которых усечение свидетельствует о пренебрежении, хотя данное утверждение может показаться спорным. Заметим лишь, что прилагательное «*подшефный*» уже свидетельствует о принадлежности к организованной преступности, что коренным образом изменяет «*квалификацию деяния*», т.е. применение статьи УК РФ по отношению к «*укрывателю/скупщику краденного*».

Возникновение словоупотреблений с элементом «*подшефный*» можно приписать влиянию идиоматических выражений времен СССР, таких как, например, «подшефный пионерлагерь», «подшефная школа», «подшефное предприятие», «подшефные колхозники» и т.д. Во времена СССР эти идиоматические выражения были в ходу повсеместно, граждане с ними сталкивались уже в школе. «*Подшефный*» значило для рядового обывателя времен перестройки такой, которому оказывают братскую поддержку, в основном материальную, и за которую он может отблагодарить в меру своих сил. Уместным было бы предположить влияние клише и речевых штампов общего языка и создание этих идиоматических выражений на основе блендинга – прилагательное из общего языка с социалистической коннотацией и заимствование через общий язык англицизмов. Однако это не касается словоупотребления «*подшефный барыга*», поскольку слово «*барыга*» в тюремно-лагерном жаргоне первоначально обозначало «*скупщика краденного*», потом было перенесено на предпринимателя вообще. И в словоупотреблении с элементом «*барыга*» если и есть какая-либо имиджевая тенденция, то она скорее относится к т.н. «черному движению», а не к поведенческому алгоритму на основе западных образцов, принятому большинством ОПГ.

Словоупотребления «черное движение» и «ОПГ» предусматривают два различных поведенческих алгоритма «*укрытия имущества, добытого преступным путем*», а также наличие определенных синонимичных словоупотреблений для номинации «*укрывателя/скупщика краденного*». Словоупотребление «черное движение» в очень большом упрощении, поскольку это не является предметом статьи, отнесем к т.н. «ворам», «за-

конным ворами», «законникам», «в законе», «пристяжам старой формации», еще более упрощая – к организованной преступности времен СССР, а словоупотребление «ОПГ», т.е. «организованная преступная группа» будем относить, также в очень большом упрощении, к новой преступности, т.е. тем, кого называют «братва», «спортсмены», «система» и т.д. Оба поведенческих алгоритма по «укрытию имущества, добытого преступным путем», вызваны законодательством рассматриваемого периода.

После образования СССР, в две основные волны, «золотая лихорадка» 1923-1929 [5 (1:131, 208)] и после ликвидации «Торгсина» (1931-1936), укрытие любой собственности, в том числе и фамильной, в форме драгоценностей, золота, серебра и т.д. преследовалось по всей строгости советского законодательства. Упрощая, не нужно было быть «укрывателем краденного», а лишь «укрывателем золота», чтобы быть арестованным, особенно после ликвидации «Торгсина», занимавшегося скупкой драгметаллов у населения и обменом на продукты питания. И хотя чисто теоретически в УК некоторых союзных республик, в том числе Украины, существовало разделение «укрывательства» и «приобретения», т.е. «скупа», на практике же это разделение было нерелевантным, и в задачу адвоката, если таковой и был предоставляем, оправдание подсудимого не входило [6: 11-12]. Именно поэтому «укрывательство/скупка краденного» были одним и тем же преступлением, а словоупотреблений «подшефный бизнес(мен), подшефный ком(м) ерс(ант)» просто не существовало. В данной связи, конечно же, интересны номинативные словоупотребления по отношению к «скутицику/укрывателю краденного» того периода - «барон», «нефеш», «не верь», «безрукие», «лицо» и т.д, однако доказательство их существования является темой отдельной статьи. Вызвано это тем, что этих словоупотреблений в рассматриваемой коннотации мы не встретим в словарях фени, тюремно-лагерного жаргона и т.д. Сравним, например, «барон» - глава большой цыганской семьи» [4: 29] или «бароны» или «балтийские бароны» («западники») – граждане аннексированных Советским Союзом прибалтийских республик, зачисленные в категорию антисоветских элементов» [5 (1:209)]. Заметим лишь, что в настоящее время, в связи с изменением государственного устройства и законодательства, эти словоупотребления, как и словоупотребление «цеховик», являются вышедшими из широкого обихода. Неправильным было бы отнесение их к архаизмам, поскольку некоторые из них до сих пор в обиходе, например словоупотребление «лицо». В типичных ОПГ это словоупотребление не функционирует— поведенческий алгоритм предусматривает существование «подшефных ком(м)ерс(ант)ов». Словоупотребление «лицо» предусмотрено для обозначения человека, который ведет официальные дела какой-либо преступной группировки, которая выбивается из типичного для ОПГ поведенческого алгоритма. Такая группировка не афиширует своего существования и находится в состоянии постоянной конспирации, поддерживая отношения лишь с подобными себе группами согласно поведенческому алгоритму «черного движения». У этой группировки отсутствуют «подшефные коммерсы», все официальные финансовые дела ведутся через «лицо», которое является официальным владельцем, например фирмы, или, генеральным директором открытого акционерного общества. Оно, т.е «лицо», официально принимает на работу «братву» и номинально является их шефом, платит им официальную зарплату и официально выписывает им премии. Возможно, конечно же, объяснение роли «лица» посредством словоупотребления «зицпредседатель (Фунт)» из «Золотого тельца» авторства Ильфа и

Петрова, однако это было бы большим упрощением. Как уже говорилось, доказательство существования номинативных словоупотреблений «барон», «нефеш», «не верь», «безрукые», «лицо» по отношению к «скупицику/укрывателю краденного» является предметом иной статьи.

Темой же представленной статьи является анализ некоторых словоупотреблений, связанных с номинацией «скупицика/укрывателя краденного», и доказательство на их основе непрагматичности разграничения воровского жаргона, тюремно-лагерного жаргона, арго, фени, криминального сленга, интержаргона, платта, кокумлошена и т.д. при рассмотрении лингвосемиотической системы преступной деятельности. Докажем это на основе словоупотреблений «маклак» и «маз»:

В словаре генерал-майора Д.С. Балдаева, всю жизнь проработавшего в пенитенциарной системе СССР, лексическая единица «маз» представлена как «1. *Наставник начинающих воров. 2. Главарь воровской группы*», а «маклак, маклан» - «*скупицик краденного*» [4:237-238]. У В.В. Крестовского в «Петербургских трущобах (книге о сытых и голодных)» был описан «маз» как «*главарь воровской группы*», «*скупицики краденного*» зачастую сами стояли во главе «хороводов» и их не выдавали арестованные преступники, поскольку надеялись после освобождения получить свою долю – современный поведенческий алгоритм «лица». Рассмотрим следующую цитату: «*Мазами называются мастера* (Примеч. сравним англ. master fence), опытные во всех отношениях *воры*, прошедшие практический и *юридический* курсы. Они заправляют, распоряжаются делом во время производства воровства, делают добычу, обучают молодых воров, стоят во главе шайки и вообще играют роль главнокомандующего, атамана.» [7 (1:259-260)]. Однако у того же автора описывается, что «маз» не обязательно может быть вором, как например упомянутый в рассматриваемом литературном произведении Пров Викулыч, буфетчик, т.е. содержатель «Ершов», воровского трактира, и скупицик крадного, а также одновременно «маз ершовского хоровода», т.е. главарь шайки. Во всем произведении не упомянуто, чтобы Пров Викулыч украл что-либо лично, как и предводитель «Золотой Роты» Ковров – они только руководили. Дома у «маза Прова Викулыча» стояли следующие книги - «... *На полке присутствовали избранные книги, служившие постоянным и любимым чтением хозяину. Тут были святыцы, Четьи-Минеи в корешковых переплетах с застезжками и два тома из свода законов – десятый и пятнадцатый* (Примеч.— УК того времени, см. [3]). *Пров Викулыч был отменный начетчик, искусный диспутант и великий юрист. Он с полным убеждением и верой исполнял обряды религии, очень усердно посещал в каждый праздник храм божий, соблюдал среды и пятницы и все посты...все сие творил он по внутренним побуждениям совершенно искренне. Великим грешником также себя не считал, ибо в жизнь свою не сотворил ничего против заповедей «не убий» и «не укради»...» [7 (1: 259)]. Далее описывается, что Пров Викулыч по своей смерти свое добро намеревался завещать монастырям, навещал в тюрьме знакомых арестантов, помогал им выйти на свободу беря на поруки и даже давал им в долг деньги, и не было случая, чтобы деньги к нему не вернулись.*

Персонаж Прова Викулыча как раз характеризует типичного «главаря хоровода», который также хранит материальные ценности воров, «отмазывает», т.е. выкупает их из мест заключения или «берет на поруки». И этим ворам не было смысла при аресте выдавать подобных «мазов», поскольку даже в случае тюремного заключения существовала

возможность получить свое добро обратно. А таким «мазам» не было смысла обманывать воров, поскольку те всегда могли их выдать, или мог пойти слух о их нечестности по отношению к своим, что также могло привести к их выдаче ворами. Вполне можно предположить, что таким образом возникали первые российские «обшачки» без влияния упраздненного Кагала, но это также тема отдельной статьи. Были, конечно же, разные «мазы», у многих «мазов» не было денег, чтобы выкупить своего «ученика» из тюрьмы, тогда он «тянул мазу», т.е. притворялся пьяным, попадал в участок и учил новичка, что говорить, чтобы выпустили.

Прова Видулыча называли «патриархом мазов», он досконально знал уголовное право, и словоупотребления *«пристанодержательство»* и *«совиновничество»* чужды ему не были, как следует из вышеприведенной цитаты. Если говорить о современных преступниках, то вполне можно предположить, что им также знаком поведенческий алгоритм преступной деятельности тех времен, о чем может свидетельствовать появление лексической единицы «маз» в словаре Д.С. Балдаева, а также следующая цитата: *«...законники практически очень хорошо знают свою историю – историю появления воров и их традиций...»*[8: 458].

Автор представленной статьи не рассматривает словоупотребления *«маклак»* как полностью отражающее смысл номинации *«укрывателя/скупица краденного»*. В 19-м веке существовал глагол *«маклачить»* [7 (1: 619)], т.е. нагло и слезно торговаться и обманывать своих. Кроме того, В.В. Крестовский дает характеристику *«маклаков»* как презираемой и ненавидимой всеми, не только ворами, категории. Приведем следующую цитату: *«... Эти странные личности, с пытливым, бойким и нагло-беспокойным, как бы вечно шущим взглядом, называются маклаками или барышниками-перекупицами... вырывают друг у друга добычу... дело зачастую доходит до драки, а в накладе остается все-таки мазурик, у которого вырвали и перепортили добытую им вещь...»*[7(1: 74)]. Далее описано, что *«маклаки»* также не брезгают воровским ремеслом, и часто их трудно отличить от *«мазуриков»*, т.е. воров.

В настоящее время ремесло, которым занимались когда-то *«маклаки»*, можно разделить на два совершенно различных вида деятельности - *«барышничество»* и *«воровство на доверие»*, однако смысл данных словоупотреблений возникает лишь из определенного уровня знания лингвосемиотической системы преступной деятельности. С некоторой долей уверенности можно утверждать, что среднестатистическому правопорядочному гражданину из приведенных выше словоупотреблений по отношению к *«укрывателю/скупицу краденного»* знакомо лишь *«барыга»*, что же касается остальных словоупотреблений, то это вопрос сугубо индивидуальный. Кто-то слышал *«подшефный коммерс»*, а кто-то – *«подшефный бизнес»*, иные читали «Золотого тельца», а некоторые и «Петербургские трущобы» впридачу. Кроме того, нельзя исключать возможности словоупотребления *«укрывательство заранее обещанное»* из уст осужденного по статье 316 УК РФ, а *«маз»* и *«маклак»* - из уст сотрудника правоохранительных органов. Важно влияние идиолекта, что показывает динамику словоупотребления и с функционально-прагматической точки зрения исключает методологическое разграничение воровского жаргона, тюремно-лагерного жаргона, арго, фени, криминального сленга, интержаргона и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leszczak O. Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu. Toruń: Wyd. Adam Marszałek, 2010. – 415с.
2. Уголовный кодекс РФ с комментариями. Режим доступа: <http://ukrf.narod.ru/>
3. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Словарная статья «Укрывательство». Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/104369
4. Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона от А до П. М.: Кампана, 1997.- 367 с.
5. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. / В двух частях. Издание второе, дополненное. М.: Просвет.1991.Ч.1- 263 с., Ч.2 – 547 с.
6. Ривлин А.Л. Задачи адвоката в суде первой инстанции по уголовному делу. Под ред. министра юстиции УССР Н.Ф. Бабченко. К.: Изд. Отдела адвокатуры министерства юстиции УССР. 1946. – 40 с.
7. Крестовский В.В. Петербургские трущобы (книга о сытых и голодных). /в 2-х томах. Л.: Художественная литература, 1990. Т.1. – 703 с. Т.2 – 800 с.
8. Карышев В. «Русская мафия 1988-2005. Криминальная хроника новой России». М.:Эксмо.2005 – 540 с.

УДК 811.133.1:81'276.12

*Білас А.А.
(Івано-Франківськ, Україна)*

КАТЕГОРІЯ РОЗМОВНОЇ МОВИ У ДЕСКРИПТИВНО-ЛІНГВІСТИЧНІЙ КОНЦЕПЦІЇ К. БЛАНШ-БЕНВЕНІСТ

У статті розглядається категорія розмовної мови у дескриптивно-лінгвістичній концепції К. Бланш-Бенвеніст. Окреслено проблематику поняттєвої природи розмовної мови. Проаналізовано підхід до визначення та методу дослідження французької розмовної мови у працях К. Бланш-Бенвеніст.

Ключові слова: *розмовна мова, концепція, теорія, писемна мова, усна мова, спонтанна мова, розмовне мовлення, писемне мовлення.*

В статтє рассматривается категория разговорного языка в дескриптивно-лингвистической концепции К. Бланш-Бенвенист. Очерчена проблематика понятійної природи разговорного языка. Проанализирован подход к определению и методу исследования французского разговорного языка в трудах К. Бланш-Бенвенист.

Ключевые слова: *разговорный язык, концепция, теория, письменная речь, устная речь, спонтанная речь, разговорная речь, письменная речь.*

© Білас А.А., 2012